

Эрих Фромм

Любовь – это активность, а не пассивный аффект, это помощь, а не увлечение. В наиболее общем виде активный характер любви можно описать посредством утверждения, что любить значит прежде всего давать, а не брать.

Что один человек дает другому? Он дает себя, самое драгоценное из того, что имеет, он дает свою жизнь. Но это не обязательно должно означать, что он жертвует свою жизнь другому человеку. Он дает ему то, что есть в нем живого, он дает ему свою радость, свой интерес, свое понимание, свое знание, свой юмор, свою печаль – все переживания и все проявления того, что есть в нем живого. Этим даванием своей жизни он обогащает другого человека, увеличивает его чувство жизнеспособности. Он дает не для того, чтобы брать; давание само по себе составляет острое наслаждение. Но, давая, он не может не вызывать в другом человеке чего-то такого, что возвращается к нему обратно: истинно давая, он не может не брать то, что дается ему в ответ. Давание побуждает другого человека тоже стать дающим, и они оба разделяют радость, которую внесли в жизнь.

Действенный характер любви становится очевидным и в том, что она всегда предполагает определенный набор элементов, общих всем формам любви. Это забота, ответственность, уважение и знание.

Детская любовь следует принципу: «Я люблю, потому что я любим». Зрелая любовь следует принципу: «Я любим, потому что я люблю». Незрелая любовь говорит: «Я люблю тебя, потому что я нуждаюсь в тебе». Зрелая любовь говорит: «Я нуждаюсь в тебе, потому что я люблю тебя».

Платон

Кто хочет избрать верный путь в любви должен начать с устремления к прекрасным телам в молодости. Он полюбит сначала одно какое-то тело и родит в нем прекрасные мысли, а потом поймет, что красота одного тела родственна красоте любого другого. После этого он начнет ценить красоту души выше, чем красоту тела, увидев, что все это прекрасное родственно между собою.

Вот каким путем нужно идти в любви: начав с отдельных проявлений прекрасного, надо все время, словно бы по ступенькам, подниматься ради самого прекрасного вверх – от одного прекрасного тела к двум, от двух – ко всем, а затем от прекрасных тел к прекрасным нравам, а от прекрасных нравов к прекрасным учениям, пока не поднимешься от этих учений к познанию того, что есть это – прекрасное.

В созерцании прекрасного самого по себе только и может жить человек, его увидевший. Так что же было бы, если бы кому-нибудь довелось увидеть прекрасное само по себе прозрачным, чистым, не обремененным человеческой плотью, красками и всяким другим бранным вздором, если бы это божественное прекрасное можно было увидеть во всем его единообразии? Неужели ты думаешь, что человек, устремивший к нему взор, подобающим образом его созерцающий и с ним неразлучный, может жить жалкой жизнью? Неужели ты не понимаешь, что, лишь созерцая прекрасное тем, чем его и надлежит созерцать, он сумеет родить не призраки добродетели, а добродетель истинную? А кто родил и вскормил истинную добродетель, тому достается в удел любовь богов, и если кто-либо из людей бывает бессмертен, то именно он.

Мигель Унамуно

Любовь духовная, рождается из боли, из смерти любви телесной; она рождается также из сострадательного чувства, которое родители испытывают к своим детям. Любовникам не достичь самоотверженной любви, истинного единения душ, до тех пор, пока могучий молот боли не раздробит их сердца, перемолов их в одной и той же ступе страдания. Чувственная любовь соединила их тела, но разъединила души, оставляя их чуждыми друг другу, но от этой любви имели они плод тела – ребенка. И случилось так, что над этим плодом их телесного соединения и духовного разъединения, или взаимного отчуждения, когда боль разъединила и охладила их тела, но соединила их души, любовники, родители, заключили объятие отчаяния, и тогда родилась истинная, духовная любовь. Иначе говоря, порвались связавшие их телесные узы, и они вздохнули свободно. Ибо духовной любовью люди любят друг друга лишь тогда, когда они вместе испытали одну и ту же боль, когда вместе, запряженные в ярмо одной общей боли, подолгу вспахивали каменистую землю. Лишь тогда они понимают и чувствуют друг друга, и сочувствуют друг другу в общем своем несчастье, страдают и любят друг друга. Ведь любить это и значит сострадать, и если тела соединяет наслаждение, то души соединяет страдание.

Духовная любовь к самому себе, сострадание к самому себе, вероятно, может быть названо эгоизмом; однако, это нечто совершенно противоположное заурядному эгоизму. Ведь от этой любви, или сострадания к самому себе, от этой полной безнадежности, ты переходишь к состраданию, то есть любви, ко всем своим братьям по призрачности, несчастным теням, которые бредут от ничто к ничто, искрам сознания, вспыхивающим на миг в бесконечном и вечном мраке.

Симона Вейль

В течение долгого времени душа любит как бы в пустоту. Она не знает, отвечает ли что-то реальное на ее любовь. Она может верить, будто знает. Но верить не значит знать. Душа знает определенно только то, что она голодна, она кричит о своем голоде.

Два любящих имеют два желания. Одно из них – любить друг друга настолько, чтобы, проникая один в другого, они составляли одно-единое существо. Второе – любить друг друга настолько, чтобы если между ними было даже расстояние в половину земного шара, их союз не понес никакого ущерба. Все, чего человек тщетно желает в этом мире, в Боге – реально и совершенно. Все эти невозможные желания живут в нас, напоминая о нашем предназначении. Они становятся благом для нас тогда, когда мы более не надеемся их исполнить.

Плотская любовь во всех своих формах, от самых высоких и до самых низких, имеет своим предметом красоту мира. Любовь, которая обращена к зрелищу небес, к равнинам, морям, горам, к молчанию природы, в котором различимы тысячи легчайших шорохов, к дыханию ветров, к теплу солнца, любовь, которую каждое человеческое существо иногда чувствует, хотя бы смутно, – это любовь неполная и печальная, потому что она обращается к предметам, не способным ответить на нее, к материи. Человеку хотелось бы перенести ту же любовь на существо подобное ему, способное ответить на любовь, сказать «да», отдать себя. Чувство прекрасного, которое подчас бывает привязано к виду другого человека, делает такое перенесение возможным – по крайней мере, в иллюзии. Но это желание направлено именно на красоту мира, на всеобщую красоту.

Владимир Соловьев

Любовь для человека есть пока то же, чем был разум для мира животного: она существует в своих зачатках или задатках, но еще не на самом деле. И если огромные мировые периоды неосуществленного разума не помешали ему наконец осуществиться, то тем более неосуществленность любви в течение немногих сравнительно тысячелетий, пережитых историческим человеком, никак не дает права заключить что-нибудь против ее будущей реализации. Если действительность разумного сознания явилась в человеке, но не через человека, то реализация любви, как высшая ступень к собственной жизни самого человечества, должна произойти не только в нем, но и чрез него.

Задача любви состоит в том, чтобы оправдать на деле тот смысл любви, который сначала дан только в чувстве: требуется такое сочетание двух данных ограниченных существ, которое создало бы из них одну абсолютную идеальную личность. Эта задача прямо дана нашей духовной природой, особенность которой состоит именно в том, что человек может, оставаясь самим собой, в своей собственной форме стать абсолютной личностью. Но чтобы наполниться абсолютным содержанием, сама человеческая форма должна быть восстановлена в своей целостности. В действительности человека как такового вовсе нет – он существует лишь в определенной односторонности и ограниченности, как мужская и женская индивидуальность. Но истинный человек в полноте своей идеальной личности, очевидно, не может быть только мужчиной или только женщиной, а должен быть высшим единством обоих.